

в особенности для аллегорического. Поэтому невозможно достигнуть познания других значений, минуя познание буквальное. Далее, это невозможно и потому, что в каждую вещь, будь то создание природы или рук человеческих, невозможно углубиться, не заложив предварительно основания, как в доме или в науке; и так как доказательство есть обоснование науки, а буквальное доказательство есть основание других доказательств, в особенности же доказательства аллегорического, то невозможно приступить к другим, минуя буквальное.

Далее, если даже допустить, что так поступить возможно, то это было бы неразумно и не по порядку, а потому путь этот был бы очень трудным и сопряженным с очень многими ошибками. Следовательно, как говорит Философ в первой книге «Физики», природа требует, чтобы познание наше продвигалось по порядку, а именно от того, что мы знаем лучше, к тому, что мы знаем менее хорошо; я утверждаю, что природа этого требует, поскольку такой путь познания присущ нам от рождения. А потому, если другие смыслы, кроме буквального, менее понятны, а они, как это вполне очевидно, менее понятны, – было бы неразумным приступать к их обоснованию прежде, чем будет обоснован буквальный. Итак, исходя из этих соображений, я буду по поводу каждой канцоны по порядку рассуждать сначала о буквальном значении, а после него о ее аллегории, то есть о сокровенной истине; а иной раз я при случае коснусь и других смыслов в зависимости от требований времени и места.

II.

Итак, приступая, я говорю, что звезда Венера на своем круге, на котором она в разное время кажется то вечерней, то утренней, уже дважды успела обернуться с тех пор, как преставилась блаженная Беатриче, обитающая на небе с ангелами, а на земле с моей душой, когда перед очами моими предстала в сопровождении Амора и заняла некое место в моих помыслах та благородная дама, о которой я упоминал в конце «Новой Жизни». И, как мною было объяснено в упомянутой малой книге, мое согласие ей принадлежать проистекало скорее из ее благородства, чем из моего выбора; в самом деле, она казалась настолько одержимой жалостью к моей осиротелой жизни, что духи очей моих с ней особенно подружились. Подружившись же, они преобразили ее во мне настолько, что моя благорасположенная к ней душа охотно согласилась подчиниться ее образу. Но так как любовь не сразу рождается, растет и достигает своего совершенства, а требует некоторого времени и пищи для раздумий, в особенности в тех случаях, когда ей мешают враждебные мысли, то прежде, чем созрела во мне эта любовь, потребовалось великое борец между мыслью, ее питавшей, и мыслью, ей противоборствующей, которая в образе прославленной Беатриче еще удерживала за собой твердыню моих помыслов. Ибо одну мысль во внешнем и в настоящем непрерывно поддерживало [зрение], а другую мысль во внутреннем и в прошлом – память. И поддержка во внешнем увеличивалась с каждым днем, а во внутреннем ослабевала, одолеваемая той, которая всячески препятствовала мне оглянуться назад; это состояние показалось мне настолько удивительным и нестерпимым, что вынести его я не смог. И вот, как бы восклицая и желая оправдаться в непостоянстве, изблещавшем во мне недостаточную стойкость, я направил свой возглас в ту сторону, откуда победоносно наступала новая мысль, всемогущая, как сила небесная, и я начал свою речь со слов: «Вы, движущие третьи небеса...»

Для лучшего понимания намерений этой канцоны надлежит прежде всего распознать ее составные части. Чтобы больше не предпосылать подобные слова объяснению дальнейших канцон, я предупреждаю, что порядок, который будет принят в настоящем трактате, я намереваюсь соблюдать и во всех остальных.

Итак, я говорю, что предлагаемая канцона распадается на три главные части. Первую из них составляет первая строфа: в ней некие интеллигенции, или, выражаясь более обычно, ангелы, призываются внимать тому, что я намереваюсь высказать. Эти ангелы управляют вращением неба Венеры и являются его двигателями. Вторая часть состоит из трех строф, следующих за первой. В ней открывается то, что внутри, в области духовной, можно было услышать в разговоре между разными мыслями. Третья – это пятая и последняя строфа; в ней автор обращается к самому произведению как бы для того, чтобы его ободрить. И, как уже говорилось выше, все эти три части должны быть объяснены по порядку.